

УДК 9; 93/94

ИВАКИН Григорий Анатольевич –

к.и.н., доцент; доцент кафедры истории российской государственности факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 1

ivakin@rane.ru

ЛИБЕРАЛЫ И ЧЕРНОСОТЕНЦЫ: ПОТЕРЯННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

LIBERALS AND MEMBERS OF «BLACK HUNDREDS»: LOST OPPORTUNITIES OF THE RUSSIAN AUTOCRACY

В статье на историческом материале начала XX в. рассматриваются взаимоотношения между черносотенными право-монархическими организациями и либеральными партиями. Автор анализирует тактические и стратегические цели партий, рассматривает их деятельность в контексте общеполитической ситуации в Российской империи в рассматриваемый период. Особое внимание уделяется проблеме отношения правых и либеральных партий к органу народного представительства – Государственной думе как наиболее болезненному вопросу политической модернизации, начавшейся в результате Первой русской революции. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что у российского самодержавия был шанс избежать политической катастрофы в 1917 г. в случае нахождения компромисса между умеренными представителями обоих политических течений.

Ключевые слова: черносотенцы, либерализм, идеология, самодержавие, политические партии

Relationships between the black-hundred right-monarchic organizations and liberal parties are considered in the article on the historical material of the beginning of the 20th century. The author analyzes tactical and strategic aims of parties, considers their activity in the context of the general political situation in the Russian Empire during the considered period. Special attention is paid to the problem of attitude of the right-wing and liberal parties to the body of national representation, the State Duma, as to the most painful question of political modernization which has begun in the result of the first Russian revolution. On the basis of the carried-out analysis the conclusion that the Russian autocracy had a chance to avoid a political disaster of 1917 in the case of finding a compromise between moderate representatives of both political trends is drawn.

Keywords: Black-Hundreders, liberalism, ideology, autocracy, political parties

Проблема взаимоотношений между либеральным лагерем начала прошлого столетия и черносотенными правомонархическими организациями и союзами является одной из наиболее противоречивых страниц в истории Российского государства. Вынужденные противостоять натиску революционной стихии, столь непохожие политические силы были вынуждены объединять свои усилия, но в то же самое время пытаться сохранить «политическое лицо», свою идеологическую сущность. В условиях становления парламентаризма в России, роста числа политических партий и движений они – либералы и черносотенцы – представляли наиболее влиятельные силы. Хотя и здесь не обошлось без пара-

доксов: при всей своей официозности и значимости они не могли сказать, что за ними стоит большинство (или хотя бы значительное число поддерживающих их групп населения). Либералы жили в своем «либеральном мифе», мечтая о демократии на российской почве, черносотенцы же уверяли себя, что за ними стоит все русское православное население империи. И те и другие ошибались или, правильнее будет сказать, заблуждались.

Пытаясь закрепиться в политической нише, обе группы участвовали в борьбе за власть, хотя, как показала логика исторического процесса, победа изначально была на стороне либералов: Россия нуждалась в классической буржуазной революции,

которую задолго до этого пережили все промышленно развитые страны Запада.

Данная статья призвана раскрыть сущность и форму политического противостояния между черносотенными и либеральными организациями в начале XX в. — накануне революций 1917 г.

Следует сказать несколько слов о состоянии либерального лагеря в начале XX в. Как отмечает С.В. Леонов, «относительная слабость либералов, то есть партийного центра (точнее, левого центра) и наличие мощных (к тому же непримиримо враждебных друг другу и либералам) флангов, представленных социалистическими и традиционалистско-монархическими партиями, составили особенность партийной системы России» [Леонов 1999: 31].

Противостояние между либералами и сторонниками монархии началось сразу после воцарения Николая II. Как отмечает В.М. Острецов, ко времени его воцарения «правительственный аппарат состоял из либералов кадетского типа. Именно в это время среди высших чиновников доктрина просветительского государства и получила свое законченное выражение. В сущности говоря, едва ли не единственным человеком, исповедующим еще идею державную да и то с колебаниями влево, был сам Царь» [Острецов]. Таким образом, «Черная сотня» стала закономерным ответом на данное противоречие системы власти в империи, результатом попыток национально-патриотического крыла политического спектра страны вернуть себе утерянные властные позиции.

Многие видные либеральные деятели эпохи высказывались по поводу тех политических сил, которые стояли вокруг престола, пытаясь не допустить и малейших изменений в сохраняющейся веками системе абсолютной монархии, но наиболее точно, на наш взгляд, либеральные воззрения выразил один из лидеров либерального движения той эпохи В.А. Маклаков: «Ревнители самодержавия не могли помириться с каким бы то ни было его ограничением, хотя бы в виде “совещательного представительства”, забывая, что такой фанатик самодержавия, как Грозный, считал необходимым его дополнением существование Земского собора. Еще менее они соглашались признавать, что “закон” может быть выше “воли монарха”, хотя бы он и издавался самим же монархом. Всякое покушение на “неограничен-

ность” власти самодержца казалось им умалением идеи монархии, которую самодержцы должны защищать, как народное благо, как условие существования самой России» [Маклаков 2006: 372].

Трудно не согласиться с этими словами. В декабре 1907 г., когда в Российской империи разворачивались реформы П.А. Столыпина, черносотенное издание «Русское знамя» писало: «Воззрения правительства не могут быть приняты православными людьми и не отвечают в данном случае требованиям государя императора, сказавшего, что его самодержавие ныне будет таким же, каким оно было встарь» [Русское знамя 1907]. В мае того же года эта же газета провозглашала: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [Размолодин 2010: 31].

Интересен тот факт, что еще до появления черносотенства как самостоятельного политического движения лидер русского либерализма П.Н. Милюков в 1893 г. издал статью «Разложение славянофильства», в которой он фактически подвел черту под существованием самобытной русской идеи: «Как абсолютизм национальный чужд современной социологии, точно так же абсолютизм религиозный чужд современной этике» [Милюков 1893: 74]. Таким образом, П.Н. Милюков десакрализовывал идею власти и саму власть как категорию социально-политического бытия, выводил ее за рамки дихотомии священное — мирское, провозглашая принцип светскости политической парадигмы. Завершая свою мысль, П.Н. Милюков констатировал: «Итак, абсолютизм, метафизический и религиозный, составлял и продолжает составлять самую резкую разграничительную черту между славянофильством и современным мировоззрением» [Милюков 1893: 75].

Как отмечает известный российский исследователь В. Кожин в своей книге «Черносотенцы и революция», «вне зависимости от намерений автора [П.Н. Милюкова] и это название подразумевало, что в свое время “славянофильство” было чем-то существенным, но к 1893 году оно-де “разложилось” и, следовательно, утратило свое прежнее значение» [Кожин 1998].

Отстаивая либеральные ценности, представители либерального лагеря,

естественно, находили своего основного непримиримого соперника в лице правомонархических организаций, стоявших на позициях незыблемости самодержавия. По мнению Г.В. Набатова, «есть основания утверждать, что это промонархическое политическое объединение очень скоро превратилось в действительно истинно русское явление, объединившее в своих рядах представителей самых разных и самых почвенных слоев Отечества» [Набатов]. Тот же Г.В. Набатов уточняет, что «наиболее опасными врагами самодержавного строя и государственного порядка они считали не только крайне левых, но особенно деятелей либерального лагеря, начиная с П.Н. Милюкова и кончая председателем Совета Министров графом С.Ю. Витте» [Набатов].

Следует отметить, что сами либералы партийный состав черносотенных организаций оценивали весьма высокомерно. По их мнению, организации черносотенцев состояли чуть ли не из случайных, не определившихся людей, которые не могли найти своего места. Так, в частности, П.Н. Милюков отмечал следующее: «В политических процессах последнего времени перед нами прошла длинная вереница этих несчастных, темных людей, скитавшихся подчас из партии в партию, от эс-деков к эс-эрам, а от эс-эров к че-эсам [черной сотне] или и прямо к охране» [Милюков 1991: 345].

Идеологическая борьба между либералами и черносотенцами часто велась при помощи партийных и организационных изданий. Российский исследователь М.В. Станкова приводит интересные факты такого противостояния на примере черносотенных организаций Западной Сибири: «Весной 1911 г. томские черносотенцы обратились в Министерства Юстиции и Внутренних Дел, требуя возбудить уголовное преследование редакторов газеты “Сибирская жизнь” Соболева и Малиновского за напечатание статьи, натравливающей на убийство В.М. Пуришкевича, просили изобличенных виновных предать военному суду. В случае если министрами не будет сделано распоряжений, ходатайство планировалось отправить императору» [Станкова 2002: 201]. Как отмечает М.В. Станкова, сами методы борьбы черносотенной прессы с газетами кадетского направления часто заключались в обвинениях

этих газет в эксплуатации и несправедливости по отношению к своим собственным сотрудникам: «В 1911 г. “Сибирская правда” писала, что “Омский телеграф” не дал двухдневный отгул проработавшему 7 лет в этой газете наборщику, и последний был вынужден взять расчет» [Станкова 2002: 201].

Отечественный историк А.В. Струков точно подмечает, что «правомонархические организации стали жертвами “черного пиара” со стороны своих либеральных оппонентов» [Струков 2009: 80]. А.В. Струков поясняет свою мысль: «Их организационное оформление совпало с чередой насилия, вооруженных столкновений и погромов, прокатившихся по всей России. Объявление Манифеста 17 октября и последовавшие в связи с этим митинги и демонстрации под красными знаменами вызвали ответные контрдемонстрации под патриотическими и монархическими лозунгами, часто сопровождавшиеся драками и перестрелками с левыми» [Струков 2009: 80]. Либеральная пресса не упускала ни одного момента, чтобы не обвинить как левых, так и правых в организации беспорядков и дестабилизации политической ситуации в стране.

Можно привести и другие яркие примеры «борьбы прессы», но уже с привлечением имен конкретных личностей. Так, редактор «Русского знамени» П.Ф. Булацель заявлял, что «революция будет продолжаться, пока правые не будут отвечать на убийство убийством, как, например, Грузенберга, Винавера, Милюкова, Столыпина и Щегловитова». Газета «Русское знамя» писала: «Вследствие угроз, получаемых Крушеваном и Пуришкевичем, сим объявляется, что за их неприкосновенность ответят жиды Винавер, Гессен, Кизеветтер и Милюков. Другим врагам Крушевана пока беспокоиться нечего!» [Кузнецов: 1].

Примечательно, что черносотенный террор осуждали все либералы. Поэтому не случайно черносотенцы избрали объектами индивидуального террора представителей именно либерального течения. Нападению черносотенцев подвергся лидер кадетов П.Н. Милюков, но, как отмечает Р.В. Пазин, наиболее нашумевшими террористическими актами черносотенцев были убийства двух членов ЦК кадетской партии — М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса, т.к. «обе жертвы олицетворяли для черно-

сотенцев ненавистного врага: они были либералами, бывшими депутатами "мятежной" I Государственной думы, подписавшими Выборгское воззвание, и евреями» [Пазин 2011: 193-194].

Крайне показательным примером соперничества и сотрудничества между политическим центром и монархистами, на наш взгляд, является взаимодействие между либеральными и правыми фракциями в государственных думах. Либералы были недовольны подготовкой к выборам в Думу и их проведением. Так, Милюков писал о выборах во II Государственную думу: «Дворянство и черносотенцы приложили со своей стороны все усилия, чтобы провести выборы в своих интересах. Больше всего те и другие опасались того, к чему стремились к.-д.: спокойной и корректной Думы». Если «не к чему будет придраться», говорилось на экстренном съезде дворянства 24 ноября, то «под защитой авторитета, завоеванного внешней законностью действий, она проведет законы, губительные для государства». «Таким образом, укрепится в России парламентаризм, и Дума станет постоянным учреждением». Отсюда директива, данная Пуришкевичем: где нельзя будет выбрать правых, выбирать «крайних левых». «Так решает Союз русского народа!» [Маклаков 2006: 422-423].

В III Государственной думе в результате выборов сложилось неустойчивое равновесие между правыми (черносотенцами) (144 депутата), либерально-консервативным центром (октябристами) (148 депутатов) и левыми фракциями, наиболее значительной из которых была либерально-демократическая группировка кадетов (54 депутата). При таком соотношении депутатских мест ни одна из группировок не могла при голосовании в одиночку ни провалить, ни провести тот или иной законопроект («октябристский маятник»). Ю.В. Варфоломеев отмечает по этому поводу, что «когда в думе требовалось принять консервативное решение, октябристы голосовали с черносотенцами, образуя правооктябристское большинство, в том случае, если на повестке дня стоял законопроект, связанный с преобразованиями, октябристы солидаризовались с левым флангом, образуя левооктябристское большинство» [Варфоломеев 2011: 158].

Нестабильность и непостоянство либе-

рального лагеря заставляло его искать компромиссные решения. И здесь следует отметить, что в паре либералы — черносотенцы именно последние занимали принципиально твердую позицию, не допуская даже мысли об ее изменении. При этом следует иметь в виду, что в рядах черносотенцев не было полного единства, как может показаться на первый взгляд. Условно мы можем поделить их на «непримиримых» и «компромиссоориентированных». Так, А. Дубровин резко выступал против участия в выборах в Государственную думу в принципе, в то время как Н. Марков полагал Думу весьма полезным институтом, отмечая, что «самое важное — это не то, что большинством голосов постановит Государственная Дума, а то, что истинное мнение русского народа, громко высказанное правыми депутатами, будет известно Царю-Самодержцу» [Спаский 2012].

Подводя итоги, мы можем сказать о том, что, несмотря на различия в идеологических представлениях, черносотенные и либеральные партии первой четверти XX в. во многом были схожи. Хочется процитировать В.И. Ленина, который еще в те годы тонко подметил: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это — темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» [Ленин 1973: 18]. Случайно ли вождь большевиков говорил о «демократизме» тех, кто априори был чужд этому понятию? Разумеется, нет. В.И. Ленин видел, что стихийность, корневая сущность черносотенства более близка демократии (в ее русском понимании), чем западные модели классической демократии, которую пытались привнести либеральные партии. Именно поэтому либералы не были для большевиков так опасны, как черносотенцы, которые могли пробудить в народе невероятно глубинные пласты народного сознания, к которым пытались апеллировать (но на своей политической платформе) и сами большевики. Эта тема еще ждет своего исследователя, но уже сегодня можно сказать, что идеологическое противостояние в России начала прошлого столетия между различными политическими силами носило далеко не поверхностный характер, не было лишь

борьбой программ. Битва за Россию шла на подсознательном и метасознательном уровнях, и основные действующие лица этой борьбы прекрасно это понимали.

Неприятие либеральной идеологии было основным мировоззренческим принципом правых монархистов. Таким образом, ее носители автоматически попадали в разряд непримиримых врагов. Но суть российского либерализма той эпохи состояла в том, что, будучи чуждым для отечественной политической реальности, он принял своеобразные формы. Более того, российские либералы прямо признавались, что основной инструмент для развития либерализма в России — это заимствование с Запада. Такими видными либеральными деятелями, как П.Н. Милюков, М.М. Ковалевский, В.И. Герье, Н.И. Кареев, разрабатывалась целая теория заимствования. При этом, как пишет В.В. Вострикова, «теория заимствования русских либералов базировалась на идее эволюционизма, являвшейся одним из важнейших теоретических оснований либерального мировоззрения» [Вострикова 2011: 53].

С.В. Зелинская в свою очередь отмечает, что «либерализм этой эпохи не шел дальше требований умеренной конституции и свободы развития экономики», а «поэтому самодержавие допускалось

либеральной мыслью в качестве средства для воплощения либеральных реформ, а в дальнейшем его ограничения посредством конституции» [Зелинская 2011: 23]. В этом и заключается ответ на вопрос о схожести правой и либеральной части российского политического спектра тех лет: правые обращались к заложенным в народе демократическим традициям с их российской спецификой, а либералы вполне допускали продолжение существования самодержавного строя.

Ненавидя друг друга, либералы и черносотенцы, как это ни парадоксально, до определенного этапа развития российской государственности не были так уж далеки друг от друга, о чем свидетельствует, например, позиция либеральных фракций в государственных думах. Разумеется, в обоих лагерях были радикально настроенные представители, которые и сталкивали два течения общественно-политической мысли. Как представляется, именно радикалы как правого, так и либерального толка не позволили найти компромисс, а он мог быть найден. Ведь известно, что уже в эмиграции большая часть бывших черносотенцев перешла на позиции конституционной монархии, а именно о ней и говорили умеренные либералы еще задолго до революционных событий 1917 г.

Литература

Варфоломеев Ю.В. 2011. П.А. Столыпин и III Государственная Дума: прерванный диалог власти и общества (по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). — *Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина*. Материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 21 апреля 2011 г. (отв. редактор П.С. Кабытов). Самара: Изд-во Самарского университета, 400 с.

Вострикова В.В. 2011. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века. — *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, № 2(8). В 3 ч. Ч. II. С. 50-53.

Зелинская С.В. 2011. Развитие либеральной идеи свободы личности в России на рубеже XIX–XX веков. — *Вісник СевНТУ: зб. наук. пр.* Вип. 123/2011. Серія: Політологія. Севастополь. С. 22-25.

Кожин В.В. 1998. «Черносотенцы» и Революция. М. Доступ: <http://kozhinov.voskres.ru/cher-sot/chersot.htm>

Кузнецов Г. Р. Индивидуальный террор Союза Русского Народа в 1905 – 1907 гг. Доступ: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/Kuznetsov.pdf

Ленин В.И. 1973. *Полное собрание сочинений*. М.: Политиздат. Т. 24, 567 с.

Леонов С.В. 1999. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год). — *Вопросы истории*, № 11-12. С. 29-48.

Маклаков В.А. 2006. *Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917*. М.: Центрполиграф., 351 с.

Милюков П.Н. 1893. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. — *Вопросы философии и психологии*. М.: Т. IV, кн. 3 (18). С. 46-96.

Милюков П.Н. 1991. Интеллигенция и историческая традиция. — *Вехи. Интеллигенция в России*: сборник статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия. С. 294-382.

Набатов Г.В. Черносотенное движение в Нижегородской губернии. Доступ: <http://www.hist.nnov.ru/history/partis/12.html>

Острецов В.М. Черная сотня. Взгляд справа. Доступ: <http://www.ostretsov.info/chnayasochnya.-vzglyad-sprava.html>

Пазин Р.В. 2011. Обсуждение вопросов о терроре, амнистии и смертной казни в I и II Государственных думах: позиция либералов. — *Власть и общество в России : жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина*. Материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 21 апреля 2011 г. (отв. редактор П.С. Кабытов). Самара: Изд-во Самарского университета, 400 с.

Размолин М.Л. 2010. Православно-религиозные основы черносотенной идеологии. — *Вестник Томского государственного университета*, № 4(12). С. 31–36.

Русское знамя. 1907. 2 декабря.

Спаский В. 2012. Черносотенцы Его Высочества. — *Общественно-политическая газета «Открытая. Для всех и каждого»*, № 45(537).

Станкова М.В. 2002. Периодическая печать как средство агитации черносотенцев Западной Сибири. — *Известия ОГИК музея*, № 9. С. 198-205.

Струков А.В. 2009. Причины слабости правых партий в России на примере «Союза Русского Народа». — *Вестник МГОУ*, №3. С. 78–84.

УДК 94(470)''16/18''

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич —

к.и.н., старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
seva91@yahoo.com

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ УЕЗДНОГО ГОРОДА ВЕРХНЕУДИНСКА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

ON SOME PROBLEMS OF SANITARY CONDITIONS IN VERKHNEUDINSK IN THE LAST QUARTER OF THE 19th CENTURY

Городская реформа 1870 г. возложила заботу о благоустройстве городов, в т.ч. об их санитарном благополучии, на органы местного самоуправления. Это была комплексная и важная задача. В конце XIX в. санитарно-гигиеническое состояние сибирских городов вызывало глубокую обеспокоенность общественности и органов власти. Решать сложные задачи улучшения санитарно-гигиенической обстановки в городах предстояло выборным муниципальным органам – городским думам и управам совместно с силами охраны правопорядка, специалистами-медиками и представителями судебной власти. На примере уездного города Верхнеудинска автор выделил типичные санитарно-гигиенические проблемы сибирских городов – стихийные свалки, загрязнение грунтовых и поверхностных вод, низкое качество городского пространства жизнеобеспечения, отсутствие специальных служб по уборке мусора и ассенизации. Анализируя выявленные в фондах ГАРБ документы, автор стремится осмыслить санитарные проблемы города Верхнеудинска в историческом контексте 70-х гг. XIX в., выделяя значение актуализации